

МАРИЯ АВБАКУМОВА

Урок

Валентину Распутину

Мы все, кто духом уцелели
в объятьях сатаны-страны,
мы веры в Бога не хотели,
но верой были спасены.

Но для чего? Для новых терний? —
не зажил и от старых лоб.

Для осязания материй
нетленных — ужас и озноб?..

Жесток урок. Зато богаты
своим умом на свалке схем.

И то, что рушили когда-то,
теперь вздымаем надо всем.

ЮРИЙ АКСАМЕНТОВ

г. УСОЛЬЕ-СИБИРСКОЕ

Стезя

В.Г. Распутину

Итак, те годы не забылись:
Что было с ним и что со мной.
Мы порознь русскому учились
В аудитории одной.
Потом, взрослея год от года,
Не погрязая в суете,
Мы с ним учились у народа
Суровой русской простоте.
Его уже тогда хвалили,
Но он заносчивым не стал,
Писал он «Деньги для Марии»,
А я про деньги не писал.
Лауреатство и геройство
В проекте были и тогда —
Ведь Валентин Распутин — войско,
Пятиконечная звезда!

но не уклончив, а мерцает ровень
с отеческою болью и виной.

Уйдёт в себя, и долго безотчётно
тьнь думная светает на челе
той самой русской волюшкой вольготной,
мучительной, духовно-неотлётной
любовью сына к матери-земле.

Общаться наспех не стремись — не будет.
Не пустит мысль на ветер и разор.
Присмотрится, приметит, облюбует,
теплей оденет да прочней обует —
гуляй всю ночь просторный разговор!

Соизмеримый с тем большим и малым,
что острой болью плещется в груди,
штормит и стонет, и грозит Байкалом,
эпохой взлётов, горестных провалов,
серьёзной тайной гнева и любви.

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

Иволга

Валентину Распутину

Сядь на вербу и ночь озари,
Чтобы смог я кругом оглядеться,
Голосистая спутница детства,
Расскажи, где твои косари.

Ты открой свою птичью печаль,
Тайну звуков и солнечной боли.

Отзовись, моя иволга, что ли,
Озари сенокосную даль.

Озари, чтобы стало светло
Среди тьмы и увядших растений...
На ладони горит лист осенний,
Как твоё золотое перо.

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ

Новый храм

Валентину Распутину

Люди добрые, вы подивитесь:
Нам на радость,
На горе врагу —
Новый храм появился, как витязь,
На ангарском крутом берегу.

В стане строен,
Оплечьями ровен,
Он поднялся в немалый свой рост.
Крепко связана плоть его брёвен
В чашу, в лапу и в ласточкин хвост.

Онемелость души растревожить,
И наполнить глаза синевою,
Силу русскую болью умножить,
Русский дух повести за собой...

В зыбке той, что тебя укачала,
В той звезде, что глядит в полынью —
Чудо-Слово, что было в начале,
Проскользнуло сквозь тайну твою...

И теперь на ристалищах духа,
Где кипит нескончаемый бой,
Стала нашим деяньям порукой
Твоя неутолимая боль.

.....
А досталась другая б судьбина —
Слух в народной молвы берегах
Весть донёс: в монастырских глубинах
Проживает святейший монах.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Валентину Распутину

Валентин Григорьич, Валя,
ты — другой? А я — другой?
Оба мы затосковали,
что раскиданы пургой?

За отеческие хóлмы
меня ветер увертел
так, что я до Оклахомы,
кувыркаясь, улетел.

Может, от самоупрёка
изменился ты в лице
и остался одиноко
на отеческом крыльце?

Но пригрело нас по-бомжьи
то крыльцо в сосульках слёз.
Ведь и я стою на нём же.
Больше не на чем. Прирос.

Никакого улетанья
быть не может никуда.
И для нас Россия — втайне
к нам примёрзшая звезда.

Совесьть — разве наказание?
Всеспасительнейший свет.
И бывает примерзанье
то, теплей какого нет.

Валентин Григорьич, Валя,
во спасенье красоты,
помнишь, бабки вышивали
и на катанках цветы?

Пусть не будет ни ледочка,
ни следочка чьих-то злоб,
пусть играет твоя дочка
Божью музыку без слов.

ЕЛЕНА ЖИЛКИНА

* * *

Валентину Распутину

Им не досталось слов стоустых,
Они безвестны для молвы.
Стоят деревни среднерусские
В ста километрах от Москвы.

Мы знаем: здесь война проухала
Недавно будто и давно...

Живёт она, деревня Глухово,
А рядом с ней Вертошино.

Живут они, как сёстры близкие,
С одною общею судьбой.
А между ними обелиски
С солдатской алою звездой.

И в День Победы, той порою,
Когда заголубеет даль,
Идут сюда одной тропею,
Несут в себе одну печаль.

Над головами, где-то в небе,
Неистово кричат скворцы,
И весть о том, что смерти нету,
Разносится во все концы.

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

* * *

Валентину Распутину

I

Загребает в небо мощнокрылый,
Вожакom поставленный судьбой.
Беспокойный крик его унылый,
Как маяк в пучине голубой.

Впереди летящему труднее:
Застят бури, гибелью грозят.
Потому и выше, и прямее
Пролегла небесная стезя.

II

Мы вопим, отчаянно метаясь,
В поисках срываем голоса,
С прошлым дорогим переключаясь,
Как слепые, чертим небеса.

И в тоске, нас давящей безбожно,
Зачастую с миром не в ладу
Ищем голос зычный и надёжный,
Ищем путеводную звезду.

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

На выставке

(У ПОРТРЕТОВ М. ЛОБАНОВА, Ю. СЕЛЕЗНЁВА, В. РАСПУТИНА)

Пророки наши с лицами повстанцев.
Я вас люблю за искренность души,
За ваше доблестное постоянство,
Что вы за Родину, а не за барыши...

Что вы не свыклись с отведённой ролью.
Идёт неотменимая борьба.
Не примирились вы с угрюмой болью —
Не свыклись, что России, мол, труба.

ГЕОРГИЙ ЗАМАРАТСКИЙ

г. ИРКУТСК

Правда жизни

Я сну ничуть не удивился,
Который всплыл со дна души:
Опять всю ночь Распутин снился
И говорил мне: «Что ж, пиши,
Но только правду! Правду жизни,
А не подобие её...»

Илиму — маленькой отчизне —
Я верен. Творчество моё
О нём. И сила мудрой мысли,
Распутинская точность строк
Мне помогли. И в этом смысле
Распутин — лучший педагог.

Но подражать я не умею,
Пустой вторичности боюсь...
Нужна мне правда, значит, с нею
Я, как писатель, состоюсь.

Вернуть бы правду, что со мною
Шагала в ногу, как солдат,
Готовая к любому бою,
Не ради славы и награды.

Найти бы правду, но легко ли
Узнать её среди многих правд?
Я лишь в душе за луг и поле,
И здесь, наверно, я не прав:

Не жну, не сею хлеб на ниве,
Доволен тем, что есть — вполне,
Кричу всё чаще и хвастливей,
Что кровь крестьянская во мне.

По доброй воле, между прочим,
Ищу «свой хлеб» по городам,
А есть ли где на свете отчем,
Чем эта — большая беда?

Наверно, правда русской жизни —
В суровых буднях сельских дней...
Быть просто преданным отчизне —
Легко. Вот стать бы нужным ей!

Валентину Распутину

Блестит Распутина звезда
Над величавой Ангарою.
В десятый раз и неспроста
Его «Последний срок» открою.

А повесть яркая «Пожар» —
О нашей жизни злой и дикой!
Нанёс он яростный удар
Убийцам Родины великой.

Главу склоняю перед ним,
Перед суровой правдой вящей.
Пусть будет Господом храним
Талант великий настоящий.

От нашей чистой Ангары
Он взял могущество и верность.
В его рассказах нет игры,
А есть труда закономерность.

Впитал он опыт трёх веков
В обеспокоенную душу,
Не «топот пьяных мужиков»,
А мудрость дедов и старушек.

Горит Распутина звезда,
Река сверкает величаво
И сквозь века и сквозь года
Несёт распутинскую славу.

АНАТОЛИЙ ЗМИЕВСКИЙ

Памяти Распутина

Ушёл ты, горько родину оплакав,
теперь оплакивает родина тебя —
слезами сон-травы, жарков и маков,
росою каждого полынного стебля.

Ты много больше пережил, чем прожил,
ты не отшельник был, но был всегда один.
Как своего тебя приветил Боже,
ушедший ввысь раб Божий Валентин.

СЕРГЕЙ ИОФФЕ

* * *

В. Распутину

Добротный, навеки поставленный дом
на взгорке, у самой железной дороги.
В нем стрелочник жил. Выходил с фонарем,
цигарку курил в темноте на пороге.

Он знал свое дело — встречал поезда
и стрелку старательно чистил от снега.
Он думал: не сдержит ничто никогда
ни гула, ни свиста, ни стука, ни бега.

Ах, много на свете бессменных вещей,
да, видно, не всё неизменно на свете...
Растут между шпал лебеда и пырей,
играют на рельсах беспечные дети.

Теперь эти рельсы ведут в никуда,
в тупик упираются на косогоре.
А дальше — ангарская плещет вода:
Андрея Ефимыча Бочкина море.

В горах скоростная легла магистраль,
а эта дорога — уже не дорога.
Июнь отцветает, метелит февраль —
Забот у старушки не очень-то много.

Лишь в полночь, от мрачных тоннелей устав,
приходит не знающий шумных перронов
печального вида кургузый состав
из двух или трех допотопных вагонов.

И стрелочник в том не виновен ничуть,
что вдруг его должность сочли за безделку:
оставлен отныне единственный путь
и нету нужды перекидывать стрелку.

...А в доме — иной обитатель. Причем,
как стрелочник, трудится тоже на совесть.
Он пишет здесь повесть. Не знаю, о чем.
Дай бог, чтобы вышла хорошая повесть!

ЛЕОНИД КАЗАНЦЕВ

г. Иркутск

Защитим Байкал!

В.Г. Распутину

Воды чистейшая слеза
Сверкнула на моей ладони.
Мрачнеет неба бирюза —
Сарма, видать, в лихом разгоне!

Там, где седой Хамар-Дабан
До боли стискивает скулы,
Клочкастый стелется туман,
А может, дым встаёт в разгуле?

Я вижу чёрные клубы,
Как исполины-истуканы,

Мечами роковой судьбы
Байкалу вновь наносят раны...

Обидой полнится Байкал,
Закат пролил немало крови...
Но у Байкала засиял
Непобедимый свет любви!..

Тот свет, как звёзды в облаках,
Затéплил Валентин Распутин,
И мы его во всех веках,
Как нашу совесть — не забудем!

НАТАЛЬЯ КАМЫШОВА

г. Иркутск

* * *

Это ведь судьба русской бабы —
быть вдовой...

В.Г. Распутин

Сгорают листья на лету,
И пепел холоден в горсти...
Мне б на могильную плиту
Все листья в пригоршнях снести,

Как письма их перебирать,
Кляня треклятую беду...
Не хочешь ты меня позвать,
Но скоро я сама приду!

ИАНА КА

* * *

Ты долго по миру блукал,
Всемирности русской заложник.
Среди иноземных лекал
Себя отыскать невозможно!

Ты счастья отнюдь не просил.
Ты классика принял на веру,
Который не раз говорил,
Что счастье — земная химера.

Что все мы под небом седым,
Где ветры вселенские свищут?..

Невольню о воле скорбим.
Покой, беспокойные, ищем.

Выходим один на один
С пропахшим степями култуком...
Но — вал повернёт баргузин,
Нам став и собратом, и другом!

...Ты все так долго искал
Покоя. Созвучья. Участья...
...Россия. Распутин. Байкал...
Ну, что ещё надо для счастья?

СЕРГЕЙ КАРГАШИН

Люди-деревья

Валентину Распутину

1.

Люди-деревья живут неприметно.
Тихо стоят в стороне у обочин.
Люди-деревья не стонут под ветром,
Только всё глубже вгрызаются в почву.

ГЕОРГИЙ КОЛЬЦОВ

Родной дом

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка — к реке под бугор...
А причина, возможно, лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листья не осталось, —
Всю по свету ветрище разнёс!..

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.

Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадёжно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну, а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердце чует: пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землёю, откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажѐли богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

Сонет

Валентину Распутину

Корабль российский вновь разбит
В щепу — изменой и безвоьем.
Всё кончено... И он глядит
В грядущее с застывшей болью.

А, может, неотступно зрит
За обнажившейся юдолью
Невысказанность, что хранит
В себе сибирское раздолье...

И кто он — русский человек
И мир его — под страшный век
Попавший — как под горный камень, —
Каких-то двадцать лет спустя
Увидит малое дитя,
Лицо закрывшее руками.

ВЛАДИМИР КОСТРОВ

* * *

Валентину Распутину

Так хотел он нас предостеречь:
Убедить, что Слово — это весть.
Человек, России давший речь,
Жизнью заплатил за слово Честь.
Но теряет смысл свои права...
Чудаки, а пуще — дураки,
Золотые русские слова
Разменяли мы на медяки.

Если не пойдём Его тропой,
Если зарастёт Его тропа,
Станем мы базарною толпой
У Александрийского столпа.
Так прими его благую весть,
И тебя врагу не победить...
Ну а людям, потерявшим честь,
Можно из истории уходить!

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

Зимняя элегия

В.Г. Распутину

Восхищаться перестали мы:
Словно плёнкой застит взгляд.
...В пышных шубах горностаевых
Нынче ёлочки стоят.

Плюнь на мысли оголтелые!
Прочь о деньгах разговор! —
И берёзок шали белые
Озарят твой мрачный взор.

Русь зимой — щедро подарками.
В лес войди — и удивись!
За серебряными арками
Здесь совсем иная жизнь...

Зазвонят лесные звонницы
О величьи бытия, —
И душа добром наполнится
Вновь по самые края.

1997 г.

ЛЮБОВЬ ЛАДЕЙЩИКОВА

Колокол

В.Р.

Колокольного слова набат — не для узкого
Круга... Пожар не упрячешь в кулак.
Русь, очнись и послушай писателя русского, —
Правда стоит дороже, чем хлеб да табак.

Видно, что-то не так в разлюбезном Отечестве,
Если колокол сердца гудит, не шутя,
Если женщина — совесть и мать человечества —
Отомстить поднялась за родное дитя.

2004 г.

НИНА МЕЛИХОВА

И вновь вестят колокола

Валентину Распутину

На наши души пала мгла:
Как вóроны — летят мессии.
Но вновь вестят колокола
О Днях духовности России.
В парламенте — страстей накал:
Страна опять на перепутье,
Но вновь сзывает на Байкал
Богатырей Руси — Распутин.
Нет ни кольчуг у них, ни лат —
Лишь боль души за Русь святую.
Звучит их слово, как набат,
А телевороньё лютует...
Орут певцы, впадая в раж
Под музыки дешёвой всхлипы,

Творят неистовый шабаш
В своих пустых, бездарных клипах.
И мы попали в шоуплен,
Который всё святое рушит.
Нам не поднять страну с колен,
Пока мы не очистим души.
Поборники Добра и Зла —
Два духа вновь на поле битвы.
Но золотые купола
Уносят светлые молитвы
За голубые небеса —
Туда, где тайны Мирозданья,
Где на космических весах —
Надежды, радости, страданья.

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

Русский манифест

Валентину Распутину

И столицами славится Родина-Русь, и деревнями.
Там и тайна характера нашего и ремесла.
Почему-то мы можем представить лягушек царевнами.
Да и где бы сестрица козлёночка-братца спасла?

Почему-то нам жаль целый мир, а себя и не жалуем.
И последней рубахой воистину не дорожим.
И по Млечному запросто ходим, как будто по палубе.
И над златом, кому посчастливится вдруг, не дрожим.

Он, конечно, не выгоден, этот характер невиданный,
Прежде всех самому, да такой уж случился народ.
Ну а я расцветаю, как будто девица на выданье,
То ли песню услышу, то ль в русский войду хоровод.

Пропадёт моя Русь, так никто на земле и не выстоит.
Нету русским начала и, видно, не будет конца.
И какой басурманишка в белую лебедь ни выстрелит,
Возвратится стрела и убьёт самого же стрелца.

Что вы, чёрные вороны, по полю чёрному рыщете?
Что вы, чёрные вороги, наши считаете дни?
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы ни лучше, ни хуже. Мы просто такие одни.

Из поэмы «Русь»

Валентину Распутину

Пусть не говорят, что мы без памяти.
Мол, национальная черта.
Пусть не говорят, что мы из пламени.
Это нас сжигает немота.
Но когда терпенье переполнится
И уста златые разомкнёт,
Мы расскажем всё, о чём припомнится,
И о чём не позабыл народ.

2001 г.

* * *

Валентину Распутину

Чей это голос в шелесте снега
Сквозь пуховой снегопад?
Чей это голос, чья это нега,
Чей это медленный взгляд?

Как невесомы и тонкорунны
Тёплых сугробов холмы.
Разве возможны летние струны
Посередине зимы?

Сосны качают старое небо,
Белые шали надев.

Вздых или воздух, клич или треба,
Или дыханье деревьев?

Всё-то мне мнится: радостный кто-то
Выступит вдруг из снегов.
За поворотом, за поворотом
Церковь в плену облаков.

Тёмная речка, светлые склоны.
Веет таким дорогим.
Чей это голос одноимённый
С голосом сердца моим?

Уроки французского

Валентину Распутину

Уроки французского! Тёмный заснеженный вечер.
И русская девушка в дальнем сибирском краю
Голодного мальчика учит изысканной речи,
Французской фонетике вместе со словом «люблю».

Он так одинок, этот мальчик, и так простодушен.
И очень талантлив, но очень к тому же строптив.
И как она хочет согреть его чистую душу,
Её чистоты и доверия не замутив.

Учителке страшен далёкий раскат канонады,
Москва затемнённая и в похоронках село.
Но русский язык защищать тогда было не надо.
Все русскими были, и это к победе вело.

А юная девушка, странная, словно из книжки,
С своим «силь ву пле» и совсем простодушным «мерси»,
Спустившейся с неба тому представлялась мальчишке.
Таких он не видел ещё до сих пор на Руси.

Уроки французского — памяти сладкая дрёма,
Где мирное небо и солнце — ковригой большой.
Где три мушкетёра, где радостно и невесомо.
А эта учителька — фея с прекрасной душой.

ЕЛИЗАВЕТА ОВОДНЕВА

Не верю

Памяти В.Г. Распутина — моего детства,
отрочества, юности

И не сметёт веков теченье
Следа, оставленного мной.

Иоганн Гёте

И первый раз — я Вам не верю.
И первый раз — я рок кляню.
Так — непонятна клетка зверю,
Так — непонятна жизнь в плену.

В миг неразгаданный, престранный,
Смотрю, в комок себя собрав,
Сквозь бытия бинокль карманный
И слышу: «Я ушёл. Я прав...»

Кому сказать теперь в трамвае:
«Проснитесь, Рудик, вам сходить».
Я — Ио. Плачу в марте, в мае...
Но мне его не разбудить...

И, зашумев, как ветер в кроне,
Он тихо-тихо стукнет в дверь:
«Что нынче передать вороне?
Что смертны мы... Но ты — не верь!»

2015 г.

ГЛЕБ ПАКУЛОВ

Лубок

Валентину Распутину

Где у камня три дороги
Разбежались в стороны,
Придержал устало ноги
Мужичонка вздорный.

Потрудясь, прочел скрижали,
Поцарапал в темени:
— Ну, таперича едва ли
Попаду в деревню.

Вправо — плохо, влево — худо,
Посеёлке — лихо

Покурю-ка я покуда,
Поразмыслию тихо.

Сел, сварганил козью ножку,
Затянулся. Э-эва!
Надо вправо взять дорожку,
А пойти налево.

Головою просвещённой
Он тряхнул упрямо,
И пошел, попёр крещённый,
Как обычно — прямо.

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

г. МОСКВА

Валентин Распутин

Эпохи узел груб и не распутан.
Народ живёт, таясь, как в блиндаже.
Но скажет слово тихое Распутин —
и как-то легче станет на душе.

Он — астролог. Он — не Павел Глоба.
Но скажет слово — и поверю я,
Что, как трёхдневный Лазарь,
вновь из гроба
Восстанет Русь воскресшая моя!..

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

* * *

Валентину Распутину

Время другое сегодня звенит под окошками.
Чудится многим, что вечного нет на земле.
Счастлив я тем, что ходил полевыми дорожками,
Слушал колосьев шуршание в солнечной мгле.

Мало ли туч проплывало над нами с угрозами?
Счастлив я тем, что живу, никому не отдав
Ивы над омутом, тихий родник под берёзами,
В жёлтых платочках головки весенних купав.

Это моё, это с детства святое и близкое,
Вместе с иконами, с воинским снимком отца.
Родина — то, что порой не понять и не высказать,
Только почувствовать, только любить до конца...

Валентину Распутину

(ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ПОВЕСТИ
«ДОЧЬ ИВАНА, МАТЬ ИВАНА»)

Я прочел до последнего слова
Твою повесть — и вышел за дверь.
Грудь моя разорваться готова,
Я не знаю, что делать теперь.

Нет, кричать понапрасну не буду,
Что куда ты ни кинь — всюду клин.

От того, что творится повсюду,
Плакать хочется мне, Валентин.

Всё чужое, повсюду чужие,
Боль в душе от опущенных рук.
В нашей бедной, богатой России
Мы уже не хозяева, друг...

Сбежались люди. Кто тушил,
А кто плескал на пламя масло.
Кто о погубленном тужил,
А кто злорадствовал: не гасло!

И торопились под шумок
Дать ход дешёвому подлогу:
— Ну, догадайтесь, кто поджжёт?
Не тот ли, кто забил тревогу?

Поглядывали за бугор
Пожарные, твердя народу:
— Вот-вот должны прислать багор,
А там и лестницу, и воду!

Дым застилает белый свет...
И лишь пожарным слепошарым
До погорельцев дела нет —
Они любят пожаром.

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

г. Новокуйбышевск
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

На малой родине Валентина Распутина

Ему нелегко в Казахстане живётся —
В заносчивом городе Алмааты.
И всё же Валерка Михайлов смеётся.
В глазах его — дикий простор чистоты.

Покуда автобус трясётся, как трактор,
И я поминаю судьбу матерком,
Смеётся Валерка
над каторжным трактом —
Он в жизни с дорогой и жёстче знаком.

В глазах у Распутина — зоркая горечь,
Что зрит
сквозь народной судьбины пласты...
Прости нас, дурных,
Валентин наш Григорьич,
Пути твоей отчины шибко круты!

Шумим, как в набеге лихие татары,
Глубинной печали твоей не в укор —
Я, грубый толмач и поэт из Самары,
Валерка — редактор журнала «Простор».

Набег в Усть-Уду нелегко нам даётся,
Где тихо грустит молчаливая Русь...
...Валерка от робости громко смеётся,
А я от волненья слегка матерюсь.

НИКОЛАЙ СИРОТЕНКО

В.Г. Распутину

Я в меру был шероховат
И резковат, пожалуй, в меру,
Когда бросался, как солдат,
В бой за Отечество и Веру...
Нет, не за батюшку-царя —
(какой с меня царехранитель!)
Зато за Землю и Моря
Стоял, как истинный воитель.
Не то, чтоб —

Грудью на штыки,
Не лбом — под пули и снаряды,
Я не ходил в большевики
Портфеля ради и награды.
Не чтил портреты — образа,
Не изъявлял восторг телячий
И не заглядывал в глаза
Просящим взглядом
По-собачьи.

ВЛАДИМИР СКИФ

Валентин Распутин

Как совесть — неподсуден,
Как свет — необходим
Отечеству и людям
Распутин Валентин.

Для многих — неуютен...
Но он такой один —
Всегда и есть, и будет
Распутин Валентин.

В общенье, вправду, труден
В столице и в селе...
Зато не словоблудьем
Он занят на земле.

Глумленья не таящий
И в пазухе — камней,

Писатель, говорящий
О Родине своей.

В Отечестве бесправном
Он правило завел
Являть собою правду —
И недругов обрел.

Их раньше — меньше было.
Теперь им несть числа.
Вот только б леность тыла
Его не подвела.

А тыл — все мы, все «наши».
В тылу народ един,
С твоей душою слажен,
Распутин Валентин!

1992 г.

Из цикла «Четверостишия»

* * *

Валентину Распутину

Высокий лёд — прозрачный, колкий —
Волною к берегу прижат.
Байкал! Судьбы твоей осколки
Пред нами, грешными, лежат.

1994 г.

Валентину Распутину, великому русскому писателю

Продавит русская весна
Плотину вражеского круга.
Россия будет спасена —
И в этом есть твоя заслуга.

Излечит русская душа
Народ от горечи и гнёта
Из православного ковша —
И в этом есть твоя забота.

Борьбы невиданной накал
Очистит Родину от смога.
Задышат Волга и Байкал —
И в этом есть твоя подмога.

Господь Великий как-нибудь
Нас отведёт от замогилья.
Осветит солнце Русский Путь —
И в этом есть твои усилья.

1997 г.

* * *

Светлане и Валентину Распутиным

Как спится у Распутиных на даче!
День закатился, словно медный грош.
Мой сон, как пух небесный, не иначе,
Мой сон на детство давнее похож.

Настой черёмух и настой сирени,
И хвойный воздух с млеком тишины
Мне кажутся божественным твореньем,
Вдыхаются до самой глубины.

Не слышатся ни ангельские плачи,
Ни гомоны вечерних городов.
Как спится у Распутиных на даче,
Как будто в поле посреди цветов!

В шитье живых черемуховых кружев
Ночь зыбкою летит берестяной.
А Мирозданье каруселью кружит
И выпрямляет сосны надо мной.

Как будто в кокон — в одеяло прячусь
И улетаю по ночной тропе.
Как спится у Распутиных на даче,
Как в раннем детстве в маминой избе.

1999 г.

Голос

Неужто этот русский голос
Уже навеки отзвучал...
Молчун Распутин, беспокоясь
О русской доле, не молчал.

В родной простор глядел с любовью
Неизъяснимую, живой.
Писал всей болью, всю кровью,
Не возвышая голос свой

Над русским домом, русским ладом,
Над светоносною рекой,
Но голос тот звучал набатом,
Как в битве на передовой.

Он сердцем собственным латает
Пробитую в России брешь,
Куда держава улетает
И с нею тысячи надежд.

Его над бездною проносит
Несчастий самых горьких вал,

Но он не мог Отчизну бросить,
Оставить без любви Байкал,

И снова шёл с сердечной речью
К своим надёжным землякам,
К озёрам русским, ясным речкам,
Таёжным далям и лугам.

Ему внимали грады, сёла,
Родная церковь, тёмный лес.
...Звучит его бессмертный голос,
Как голос совести, с небес.

18 марта 2015 года

ТАТЬЯНА СУРОВЦЕВА

* * *

В. Р.

Ветер пел, и звучал над Байкалом
Шумный голос, ласкающий слух.
Солнце нежную власть излучало,
Протекая сквозь облачный пух.

Разгулялась в предчувствии шторма,
Серебром наливаясь, волна.
И берёза на выступе горном
Вся на милость ветрам отдана.

Белой чайкой над зыбью Байкала,
Накренившись, летит катерок.
Всколыхнулась вода у причала,
Чуть померк серебристый Восток...

Всё — предзимье и всё — предсказанье,
Но настолько светла глубина,
Что душа, как при первом свиданье,
На краю непробудного сна

Бредит юностью, тайной, надеждой,
Невозможной, но яркой мечтой...
Ветер с моря — палач побережья —
Жёстко треплет венец золотой.

Всё осыплется, выгорит вскоре.
Выйдет в море рыбачка-луна.

Будет холодно в диком просторе,
Будет звёздами вечность полна.
Скоро ночь и мороз переспорят
Гладь небесную, мир полоня...

Но останутся в счастье и в горе,
Чтобы вечно тревожить меня —
Берег жизни, глубокое море.
Ясный свет Валентинова дня.

Октябрь 2002 г.

ЕКАТЕРИНА ТРУНОВА

Валентину Распутину

Великие нужны России люди,
Вас в мире знает каждый человек.
Поверив в Вас — жива Россия будет
И твёрдым шагом вступит в Новый век.

Дана Россия русским людям свыше,
Её мы с Вами уберечь должны.
А то она уже на ладан дышит,
Вот потому Вы Родине нужны.

Мы все живём, чтоб возродить Россию,
Чтоб засветилась русская заря,
И чтоб у русских появились силы
С надеждой вместе, что живём не зря.

И я уверена, что так оно и будет,
Что правды час в стране у нас пробьёт.
Ваш русский слог богатырей разбудит
И свято будет слово — патриот!

Январь 2002 г.

ВАЛЕРИЙ ТУРОВЕЦ

г. УСОЛЬЕ-СИБИРСКОЕ

* * *

Памяти В. Распутина

Нам остается жить и помнить
Грядущий день — последний срок.
Твой долг, каким бы ни был скромным,
Верни и повтори урок.

Родной язык — он Богом данный,
Что унижается сейчас,
А «Дочь Ивана, мать Ивана»
Придёт на помощь в трудный час.

Остались деньги для Марии,
Отдай на храм, почтя за честь.
А их всё больше по России.
И стало быть надежда есть

На встречу с новой Матёрой,
Где можно век в любви прожить,

Где не заборы, а соборы,
Нет злобы, жадности и лжи...

Я верю: русская заря
Взойдёт, и мир преобразится...
А здесь — у стен монастыря —
Могила Русского Провидца.

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

г. ПЕРМЬ

Валентин Распутин

Вы написали: — Русь отчалила,
Мы на пустынном берегу...
Нет, мы цепляемся отчаянно
Или бросаем острогу!

Чтоб зацепить, чтоб подтянуться,
Чтоб не уплыла никуда,
Чтоб никакая революция
Не надругалась, как тогда?..

В Москве воняют псиной нелюди,
Посольства вражие шустрят...

Как листья сзади нас и спереди
Опять доносы шелестят.

Никто их нынче не читает
И не считается никто.
Стоит Россия, чуть качается.
Ржёт либерал, как конь в пальто.

Не Братство. Равенство. Свобода.
Нас окрыляли в те года —
Вы были языком народа,
Им и остались навсегда!

Ангара

В. Распутину

Нас на родину Распутина
Не пускала Ангара.
Преградила путь она нам.
Поднялась из волн гора!

Ждём паром. За лодкой лодку
Шторм легко перевернул.
Тот, кто пить не хочет водку —
Пьёт из термоса бурду...

За рекой стоит деревня
И ещё, ещё, ещё...
Потому что Русь-царевна!
Это слуги все её.

Кто-то нам упрямо машет
С того берега рукой.
Знаю точно, машут наши,
Там все наши за рекой!

Где паром? Снесло теченье?
Иль паромщик в магазин
Укатил в село Тюленьё?
Рек сибирских господин!

А паромщик в малахае
Режет носом круговерть.
Ангара с волны взлетает,
Да не может улететь.

ВЛАДИМИР ХОМЯКОВ

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Памяти Валентина Распутина

Звучит сердцебиенье родников
распевом, переливчатым и светлым.
Звучит оно — и нет ему оков,
и кажется оно вовек бессмертным.

И всё-таки грядёт последний срок.
Его каким сиянием наполнить?
Прислушаться к дыханью чистых строк
и просто — жить, и просто — жить и помнить.

Ни на кого не возводя укор,
ни у кого не требуя ответа.
...Летит Земля, куда ни глянет взор.
Лежит Земля на все четыре света.

И всюду — жизни солнечная новь,
и всюду — родниковое звучанье.
...А память переплавится в любовь —
и станет вечной, как твоё молчанье.

АНАТОЛИЙ ТРЕТЬЯКОВ

г. КРАСНОЯРСК

Валентину Распутину

Уехала стройка, оставив
Дорогу и длинный барак.
На окнах без шторок и ставен
Ледок не растает никак.

Не нужный ни Богу, ни чёрту,
Стоит он у всех на виду,
С бетонной доскою почёта
И с лозунгом: «Слава труду!»

То пели, то били в нём морды,
То счастье пытались найти...
Потом побивали рекорды —
По срокам укладки пути!

Бегут поезда неустанно,
Глядят пассажиры в окно...
Когда-то здесь был полустанок,
Но как это было давно!

Что ж! Лишней не надо заминки,
Прощального взмаха руки.
В снегах утонувшей заимки
Видны за баракком дымки.

Так много увидел и понял!
И, видно, от этого грусть...
Я помню барак этот, помню,
Я знаю его наизусть!

Сибирь — ни конца ей, ни края...
А ночь без луны и без звёзд.
И пусть пассажиры не знают,
Куда машинист их завёз!

А возле пустого барака,
Где снег пролетает, спеша,
Всё воет и воет собака,
Как грешная чья-то душа.

АЛЕКСАНДР ФЕДЮКОВИЧ

* * *

*Светлой памяти
Валентина Григорьевича Распутина*

Печаль. Ушёл ещё один
Из тех, кем Родина согрета —
Соавтор жизни, Гражданин...
И в мире стало меньше света,
Но не убавилось тепла!
А он — мучительно, не скоро,
Со всей деревнею, дотла
Горел в «Прощании с Матёрой».
Титан, с душой сибиряка,
Где и величие, и сила.
Ушёл. Но память — на века,
Не поглотит её могила.
Мы будем помнить, будем жить!
А после нас придут другие,
Чтоб научиться так любить,
Как в книге «Деньги для Марии».